

УДК 327.57

А.И. Егоров

ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И РОССИЕЙ В РАМКАХ ОБСЕ (1990-е ГОДЫ)

Исследуется проблема использования ресурса ОБСЕ при реализации национальных интересов ФРГ и РФ. Анализируются трансформационные процессы в ОБСЕ, которые способствовали уменьшению влияния Москвы на европейском континенте. Прослеживается связь между изменением ситуации в регионе и нарастанием германо-российских противоречий в пространстве СНГ.

Ключевые слова: ОБСЕ, Германия, Россия, интересы, Парижская хартия, региональные конфликты, Хартия европейской безопасности.

В период холодной войны Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее СБСЕ) зарекомендовало себя в качестве уникального форума, в рамках которого заинтересованные стороны (страны НАТО, ОВД, нейтральные и неприсоединившиеся государства) осуществляли политический диалог в целях формирования и поддержания общеевропейской системы безопасности. На этапе существования биполярной системы государствам-участникам СБСЕ удавалось весьма эффективно решать вопросы в трех взаимосвязанных областях: военно-политической, экономической и гуманитарной. В концентрированном виде результат их деятельности нашел воплощение в Хельсинском Заключительном акте 1975 г., где, в частности, провозглашалась нерушимость границ послевоенной Европы.

Глобальные перемены, происшедшие на международной арене в конце 1980-х гг., способствовали дальнейшему укреплению взаимопонимания между странами, что привело к подписанию Парижской хартии для новой Европы (ноябрь 1990 г.). В этом документе главы государств и правительств государств-участников СБСЕ провозгласили идею единого континентального пространства, свободного от конфронтации и раскола. Подчеркивалась решимость заинтересованных сторон «воздерживаться от применения силы или угрозы силой против территориальной целостности или политической независимости какого-либо государства и от любых других действий, несовместимых с принципами и целями» Устава ООН и Хельсинского Заключительного акта. Была подтверждена приверженность сторон урегулированию споров мирными средствами, а также твердое решение о создании механизмов по предотвращению и урегулированию конфликтов между заинтересованными сторонами [1].

В этом же контексте следует рассматривать успехи в области сокращения и контроля над обы-

чными вооружениями, достигнутые государствами-участниками СБСЕ. При этом сам форум выступил в двух ипостасях: во-первых, как организатор многостороннего переговорного процесса, а во-вторых, в роли международного института, выполнявшего совещательные и контролирующие функции в области поддержания безопасности стран континента. 19 ноября 1990 г. в Париже состоялось подписание государствами-участниками СБСЕ Договора об обычных вооруженных силах в Европе (далее Договор об ОВСЕ). Его можно рассматривать как решительный шаг по свертыванию гонки вооружений и устранению материальной основы военных конфликтов на континенте. Вступление Договора об ОВСЕ в силу на обширной территории от Атлантики до Урала было призвано установить новую стратегическую ситуацию, характеризующуюся равновесием сил при общем понижении военных потенциалов НАТО и ОВД до уровней необходимой достаточности для обороны.

Однако возможности СБСЕ в тот момент не удалось реализовать полностью. Развал Организации Варшавского договора, как и последовавший вскоре крах Советского Союза, привели к радикальному изменению ситуации на континенте. Лишившись реального военно-политического противовеса и достойного идеологического конкурента в лице государств социалистического лагеря, Североатлантический альянс уверенно овладел инициативой и предпринял энергичные шаги по включению стран Восточной и Центральной Европы в орбиту своего влияния, представляя этот процесс как расширение «зоны стабильности». Примечательно, что в начале 1990-х гг. международные организации стремились определить контуры нового порядка, формирующегося после геополитических изменений на континенте и в мире. Возникла необходимость адекватно оценить новые угрозы европейской безопасности, а также определить основные инструменты борьбы с ни-

ми. Первопроходцем в этом процессе выступил блок НАТО, который на первых порах не претендовал на исключительную роль арбитра в международных спорах. Более того, в ноябре 1991 г. государства-члены НАТО одобрили умеренную по содержанию и претензиям новую Стратегическую концепцию альянса. Хотя в ней было высказано предположение об использовании военных сил блока для преодоления новых угроз европейской безопасности, но в то же время признавалась ведущая роль СБСЕ при регулировании конфликтов в Европе (с возможным участием ЕС, ЗЕС и ООН) [2].

В июне 1992 г. на сессии Североатлантического совета в Осло было заявлено о готовности предоставить свои ресурсы и экспертные возможности для проведения миротворческих операций под эгидой СБСЕ [3]. Саммит СБСЕ в Хельсинки (июль 1992 г.) принял решение, допускающее возможность привлечения к таким операциям вооруженных сил Североатлантического альянса [4. С. 95–98]. На состоявшейся в декабре того же года сессии Совета НАТО региональные конфликты уже были признаны главной угрозой европейской безопасности, а их урегулирование – одной из важнейших задач альянса [5]. Программа «Партнерство ради мира», инициированная и принятая на вооружение НАТО в 1994 г., предполагала, что операции, проводимые альянсом совместно с партнерами по Совету Североатлантического сотрудничества (ССАС), будут осуществляться только при наличии соответствующего мандата ООН или СБСЕ, и иметь своей целью поддержание мира, а не силовое умиротворение. На первый план в работе Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе выходила проблема региональных конфликтов, которые предполагалось разрешать посредством организации миссий разной продолжительности, от кратко- до долгосрочных. 30 ноября – 1 декабря 1993 г. на сессии Совета на уровне министров иностранных дел государств-участников СБСЕ в Риме была достигнута договоренность о программе действий в области региональных конфликтов [6].

В мае 1994 г. Германия и Нидерланды представили совместную «Повестку дня для встречи СБСЕ в Будапеште», которая ставила целью укрепление СБСЕ в организационном плане, а также предусматривала его определенное преимущество перед ООН в преодолении конфликтов на территории европейских держав. 5 декабря 1994 г. главы государств и правительств государств-участников СБСЕ собрались в Будапеште. В повестке дня значилось несколько вопросов, из которых Москву интересовали прежде всего два: во-

первых, отношения между Россией, странами Центральной и Восточной Европы, а также НАТО; во-вторых, конфликт в бывшей Югославии. На встрече выступил президент РФ Б.Н. Ельцин, который предостерегал от опасности «холодного мира» в Европе. Он высказал мнение, что блоки и коалиции не могут гарантировать настоящую безопасность. В свою очередь, федеральный канцлер Германии Г. Коль, присутствующий на саммите в качестве председателя Европейского совета, от имени ЕС призвал к окончанию войны в Боснии и присоединился к плану мирного урегулирования, разработанному контактной группой. Он подчеркнул, что Евросоюз поддерживает намерение укреплять СБСЕ как «региональное соглашение» в рамках Устава ООН и предоставлять ему преимущество в процессе мирного урегулирования во всей Европе [7]. Участники встречи приняли будапештский документ «На пути к подлинному партнерству в новую эпоху», в котором зафиксировали принципы будущего оформления европейского пространства, а также новую структуру организации, которая с января 1995 г. стала именоваться Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее ОБСЕ).

Одновременно набирала силу иная тенденция, а именно усиление позиций НАТО за счет ослабления ОБСЕ. Более того, альянс все увереннее стал присваивать себе те функции, которые до сих пор принадлежали ОБСЕ. Это нанесло серьезный удар по авторитету и весу этой организации на европейской арене, в значительной степени спровоцировав очередной конфликт интересов с участием РФ. После роспуска ОВД, распада Советский Союз, вывода российских войск из стран Центральной Европы и Прибалтики, сокращения всех видов вооруженных сил РФ стало очевидно, что от нее перестала исходить угроза. Несмотря на это государствами Североатлантического альянса было принято решение о расширении НАТО на восток, и, стало быть, увеличении в нем вооружений за счет новых членов.

Договор об ОВСЕ в этой ситуации утратил прежний смысл и стал служить лишь интересам НАТО. Для России он создавал угрозу одностороннего разоружения под жестким контролем государств Североатлантического альянса. Особенно отчетливо это продемонстрировала статья 4 Договора об ОВСЕ, которая определяла общие уровни вооружений для каждой из сторон [8]. Но реально осталась только одна сторона (НАТО), а другая (ОВД) перестала существовать. Вместо прежнего серьезного оппонента Североатлантическому альянсу пришлось иметь дело с отдельными государ-

ствами, обладавшими ограниченным уровнем вооружений. Для НАТО эта статья предоставила возможность иметь высокие уровни вооружений и позволила создавать мощные группировки сухопутных сил в Европе, которые могли быть усилены за счет переброски войск и вооружений из США и Канады. Такое изменение обстановки на континенте не привело к согласованию позиций России и Германии по вопросам общеевропейской политики безопасности. Напротив, оно вызвало между ними разногласия, протекавшие как в латентной, так и в открытой формах.

Прежде всего, обозначилось неодинаковое понимание Москвой и Бонном места ОБСЕ в регулировании международных отношений на континенте. Со своей стороны власти РФ осознавали, что их возможности влиять на европейскую политику серьезно уменьшились. Не являясь членом союзов, наиболее влиятельных на континенте, – НАТО и ЕС – Россия пыталась делать ставку на институциональное укрепление и качественное совершенствование деятельности ОБСЕ, надеясь в дальнейшем реализовывать свою политическую линию через эту организацию. Напротив, на фоне роста военно-политического и финансово-экономического могущества Североатлантического альянса и Евросоюза Германия признавала их важнейшими международными институтами, в рамках которых планировала обеспечить свои национальные интересы. ОБСЕ же официальный Бонн отводил скромную роль организации, дополняющей структуры безопасности НАТО и ЕС, но не заменяющей их.

Германская и российская стороны разошлись в определении приоритетов деятельности ОБСЕ в постбиполярную эпоху. ФРГ предпочитала следовать в фарватере курса западных держав, сместивших акценты работы ОБСЕ в сторону гуманитарных вопросов. В качестве центральной оперативной темы были предложены дискуссии по поводу политического понимания безопасности, содействия реализации прав человека и защиты интересов национальных меньшинств. Это позволило сконцентрировать внимание ОБСЕ на проблемах, возникших на территории стран бывшего социалистического лагеря. Однако Россию не устраивало такое развитие ситуации. Не отвергая значимости гуманитарных проблем, Москва подчеркивала необходимость решения военно-политических, экономических и экологических вопросов в комплексе.

Наконец, немецкие и российские дипломаты не обнаружили единства мнений в вопросе о географии болевых точек на территории государств-

участников ОБСЕ. Официальный Бонн обращал особое внимание на положение с правами человека на постсоветском пространстве, а также на территории бывшей Союзной Республики Югославии. По состоянию на сентябрь 1997 г. на территории бывшего СССР и бывшей Югославии активно работали десять долгосрочных миссий ОБСЕ, преследуя цели стабилизации или восстановления демократических структур. В свою очередь, Москва усматривала в этом субъективный подход и считала, что выборочное повышенное внимание к одним странам при игнорировании проблем в других государствах-участниках является нарушением мандата ОБСЕ и свидетельствует о наличии в организации практики двойных стандартов, а также о нежелании учитывать реалии и особенности отдельных государств. По сути, возникла угроза трансформации ОБСЕ в место для односторонних демаршей со стороны западных держав.

Именно национальными интересами в решающей степени определялась политическая стратегия ФРГ в рамках ОБСЕ. Став единым государством, Германия увеличила свою ресурсную базу и заняла лидирующие позиции среди стран Западной Европы по численности населения, а также утвердившись на третьем месте в мире по производству ВВП (после США и Японии). Однако немецкая элита нуждалась в осмыслении сложившейся ситуации и четкой формулировке государственных интересов, для чего требовалось время. К тому же ей приходилось учитывать мнение ключевых акторов мировой политики, прежде всего союзников по Североатлантическому альянсу и Европейскому Союзу, которые выражали серьезные опасения по поводу возрастающей мощи объединенной Германии. Поэтому на первых порах правящие круги ФРГ были вынуждены осуществлять осторожный и взвешенный курс, ставя во главу угла невоенный аспект немецкой ответственности за региональную безопасность. Между тем становилось очевидным, что политическая стратегия Бонна недолго будет связана самоограничением, ибо это противоречило превращению ФРГ в один из ключевых факторов силы на европейском континенте.

Уже в конце 1991 г. ее внешняя политика стала отходить от принципов, провозглашенных в Парижской хартии для новой Европы. Прежде всего, речь идет о признании Германией самопровозглашенной независимости Хорватии и Словении, входивших в состав суверенной Югославии. Эти действия немецкой дипломатии противоречили нескольким международным нормативно-правовым актам, в частности пунктам советско-

германского «Большого договора» 1990 г., где говорилось об обязательстве сторон «обеспечивать приоритет общепринятых норм международного права» и «неукоснительно уважать территориальную целостность всех государств в Европе в их нынешних границах» (ст. 1 и 2). При этом немецкая сторона даже действовала вопреки мнению специальной комиссии Европейского Союза, рекомендовавшей не признавать хорватскую и словенскую суверенность. Принципа сохранения территориальной целостности Югославии придерживались в этот момент президент США Дж. Буш-старший, Совет Безопасности ООН, специальный посланник ООН в Югославии С. Вэнс, председатель Мирной конференции по Югославии лорд Каррингтон [9. С. 33].

К середине 1990-х гг. в целом завершился адаптационный период, в ходе которого Германии удалось осознать собственную весомую роль в международных отношениях и четко ранжировать приоритеты своей внешнеполитической линии. А в период 1995–1996 гг. были заложены основы германской стратегии, взятой на вооружение в рамках ОБСЕ. Ключевую роль в ее разработке сыграли органы государственной власти ФРГ, исходившие из того, что пространство ОБСЕ необходимо использовать в качестве инструмента претворения в жизнь германских интересов в области безопасности. В январе 1995 г. немецкий дипломат Б. Хенк, избранный ранее Генеральным секретарем ОБСЕ (в марте 1993 г.), предостерег от того, чтобы оставлять без внимания потенциал организации [10]. Однако конкретные разработки в этом направлении были осуществлены позднее Министерством иностранных дел ФРГ и представлены его главой К. Кинкелем. По его мнению, ОБСЕ была призвана внести вклад в консолидацию европейских демократических структур и в предупреждение региональных конфликтов. Министр иностранных дел обещал, что в этих сферах Германия будет сотрудничать со всеми государствами континента.

Вместе с тем Кинкель обозначил наиболее проблемные регионы в рамках ОБСЕ. В их число попали те элементы пространства СНГ, которые Россия считала сферой своего влияния. В первую очередь речь шла о Кавказе, Крыме, Центральной Азии, т.е. весьма обширной территории, которая условно именовалась германской стороной как «нестабильные регионы». Здесь главной задачей становилось обеспечение мира. Что касается инструментов реализации этой задачи, то важнейшим из них К. Кинкель считал работу миротворческих миссий. По мнению министра иностранных дел

ФРГ, они должны были проводиться в рамках ОБСЕ и ООН при обязательном согласовании с Россией. Однако Кинкель жестко ставил германское сотрудничество с РФ по линии ОБСЕ в зависимость от соблюдения ею следующего условия: официальная Москва должна была принять переход своих бывших союзников в ЕС и Североатлантический союз как должное [11]. Перед Лиссабонской встречей глав государств-участников ОБСЕ К. Кинкель выступил в пользу укрепления организации путем претворения в жизнь «модели безопасности». В ее рамках министр иностранных дел ФРГ определил основные направления сотрудничества с Россией: разоружение, контроль над вооружениями, нераспространение оружия массового уничтожения, борьба с организованной преступностью, контрабандой наркотиков и терроризмом, обеспечение безопасности атомных электростанций и охрана окружающей среды [12].

В ходе Лиссабонского саммита ОБСЕ (3–4 декабря 1996 г.) были обсуждены вопросы соблюдения принципов организации, прежде всего прав и свобод человека, контроль над вооружениями, а также структура европейской безопасности. Участники встречи приняли Декларацию о модели общей безопасности для Европы XXI в., в которой настаивали на формировании единого пространства безопасности, свободного от разделительных линий. Важным для России и Германии стало внесение в документ положения об учете интересов безопасности всех государств-участников независимо от их принадлежности к военным структурам или договоренностям. Наконец, ввиду трагедий беженцев в регионе ОБСЕ (на территории бывшей Югославии) и с учетом проблемы насильственной миграции государства-участники ОБСЕ осудили и приняли на себя обязательства повсеместно отказаться от этнических чисток или массовых выселений [13]. Однако в дальнейшем германская политика по линии ОБСЕ в отношении России претерпела существенные изменения, что объяснялось переоценкой ситуации со стороны официального Бонна. Он был хорошо информирован о нарастающей дезинтеграции в рамках пространства СНГ и стремлении бывших советских республик, включая РФ, к укреплению связей не столько друг с другом, сколько со странами дальнего зарубежья. Такая тенденция объективно вела к образованию вакуума силы на пространстве СНГ, что предоставляло Германии новые шансы на продвижение собственных интересов. Сотрудничество с Россией по линии ОБСЕ Бонн стал рассматривать в контексте новых внешнеполитических задач, стремясь внести вклад в установление

западного контроля над положением в бывших советских республиках. Понимая, что процесс вытеснения Москвы из этого пространства займет немало времени, ФРГ сделала ставку на долгосрочные перемены в государствах-членах СНГ.

Ухудшение атмосферы вокруг РФ отчетливо проявилось на Стамбульском саммите ОБСЕ, состоявшемся 17–18 ноября 1999 г. Российская делегация столкнулась с массовой критикой политики Москвы в отношении Чечни, которая исходила от представителей ряда государств-участников ОБСЕ, в том числе от германского федерального канцлера Г. Шредера. В ответной речи президент Б.Н. Ельцин заявил, что Запад не имеет никакого морального права критиковать Россию за Чечню [14]. После его пафосного выступления из Стамбульской декларации была исключена неприемлемая для Москвы формулировка по Чечне, по сути предусматривавшая вмешательство во внутренние дела РФ под прикрытием гуманитарной помощи населению Чеченской Республики. Однако российские дипломаты попали в ловушку, расставленную их западными коллегами. Судя по всему, ни Германия, ни какая-либо другая держава не собирались реально добиваться прекращения операции российских войск в Чечне. Интересам Запада в большей мере соответствовало продолжение этой операции, что можно было использовать в качестве рычага давления на Москву. К тому же военная акция на Северном Кавказе отвлекала из бюджета РФ огромные средства, что вносило вклад в экономическую нестабильность России.

В Стамбуле делегация РФ была вынуждена подписать соглашения о выводе войск из Грузии и Молдавии. Первый документ предусматривал вывод российских военных баз, расположенных на территории Грузии вблизи Гудауты (Абхазия) и Вазияни (пригород Тбилиси), до 1 июля 2001 г., второй — полный вывод российских войск из Приднестровья до 1 июля 2002 г. В обоих случаях можно говорить о неудачах дипломатии официальной Москвы, ибо эти решения привели к возникновению новых угроз различного масштаба. Уход войск из Приднестровской Молдавской республики нес в себе потенциальную опасность для ее русскоязычного населения, а вывод военных баз из Грузии в перспективе угрожал территориальной целостности России. Ведь Грузия и Азербайджан стремились стать членами НАТО, и в случае присутствия войск альянса в Закавказье могли резко возрасти сепаратистские настроения на российском Северном Кавказе. Стамбульский саммит способствовал изменению хода процессов на постсоветском пространстве не в пользу Моск-

вы. Под патронажем США Грузия, Азербайджан и Турция подписали контракт о строительстве нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан для транспортировки каспийской нефти на мировые рынки. Этот проект был направлен против нефтепровода Баку – Новороссийск и преследовал цель вытеснить Россию из богатого энергоресурсами каспийского региона. Под давлением официального Вашингтона Туркмения и Турция оформили соглашение о строительстве Транскаспийского газопровода по маршруту Туркмения – Азербайджан – Грузия – Турция и далее в Европу. В свою очередь, Узбекистан поддержал инициативу США по созданию в рамках ОБСЕ гражданского корпуса быстрого реагирования, против которого выступала Россия, считая его одним из инструментов для вмешательства во внутренние дела суверенных государств, неугодных Вашингтону [15].

Подписанная в Стамбуле Хартия европейской безопасности также не могла быть записана в актив российской дипломатии. Несмотря на то, что в Хартии подтверждалась идея создания всеобъемлющей безопасности в пространстве ОБСЕ, механизм ее воплощения не был проработан до конца. Зато западные страны с удовлетворением восприняли положение Хартии о значительной роли неправительственных организаций (далее НПО) в содействии утверждению прав человека, демократии и верховенству закона. Тем более что подписавшие документ стороны обязались расширять имеющиеся у НПО возможности вносить свой полновесный вклад в дальнейшее развитие гражданского общества [16]. Это положение было использовано Германией для оказания содействия неправительственным организациям на пространстве СНГ, в том числе в России.

29 ноября 1999 г. федеральный канцлер ФРГ Г. Шредер выступил на заседании командования бундесвера в Гамбурге с речью, в которой представил германское понимание подписанной в Стамбуле Хартии европейской безопасности. По его мнению, этот документ расширил фундамент единого и неделимого порядка в области безопасности на территории от Ванкувера до Владивостока, в связи с чем перед ОБСЕ открылись новые возможности. Однако тут же федеральный канцлер позволил себе критику действий Москвы в отношении Чечни и вновь озвучил консолидированное мнение западных стран о необходимости добиться в этом субъекте РФ политического урегулирования [17].

Немаловажной также стала адаптация на Стамбульском саммите Договора об ОБСЕ к коренным изменениям в Европе. Была упразднена

устаревшая структура ограничений для основных видов вооружений, в том числе танков, бронетранспортеров, артиллерии, боевых самолетов и вертолетов, принадлежавших НАТО и ОВД. Новые ограничения касались территорий отдельных государств, подписавших договор. Благодаря Договору в целом уровень вооруженных сил в Европе снижался примерно на 11 тыс. единиц обычных вооружений [18]. Одна лишь Германия сокращала 1,5 тыс. единиц вооружений [19]. Итак, каждая из держав – Германия и Россия – стремилась превратить ОБСЕ в инструмент претворения в жизнь собственных интересов на региональном уровне. Действуя в духе политического реализма и используя свой укрепившийся потенциал, ФРГ добилась на этом поприще более весомых успехов, чем РФ. При этом немецкая позиция претерпела существенную эволюцию: от признания территории бывших советских республик сферой влияния Москвы до взятия курса на ее постепенное вытеснение из пространства СНГ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Парижская хартия для новой Европы* [Электронный ресурс]. URL: <http://www/osce.org/node/39520> (дата обращения: 12.05.2012).
2. *The Alliance's New Strategic Concept* [Электронный ресурс]. URL: http://www.nato.int/cps/ru/SID-031245103EB818/natolive/official_texts_23847.htm (дата обращения: 12.05.2012).
3. *Dokumente zur Sicherheit und Zusammenarbeit in Europa*/ T. Chladek [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 1995. №8/ URL: http://www.internationalepolitik.de/it/archive/jahrgang_1995/august_1995/documentation.htm (дата обращения: 30.07.2009).
4. *Ротфельд А.* СБСЕ: к созданию системы безопасности // Международная безопасность и разоружение. Ежегодник СИПРИ 1993 (перевод с английского). Специальное приложение к журналу «Мировая экономика и международные отношения». М.: Наука, 1993. С. 91–106; также см.: Helsinki-Dokument der KSZE vom Juli 1992 // Europa-Archiv. 1992. № 18. S. 533.
6. *Подробнее* см.: Marsh D. Der zaudernde Riese. Deutschland in Europa. München: C. Bertelsmann, 1994. 256 S.
7. *Der Budapester KSZE-Gipfel im Dezember 1994* // Europa-Archiv. 1994. № 15; сокращенную версию документа см.: Der Budapester KSZE-Gipfel im Dezember 1994/ T. Chladek [Электронный ресурс]. URL Internationale Politik. 1995. №3/ URL: http://www.internationalepolitik.de/it/archive/jahrgang_1995/märz_1995/documentation.htm (дата обращения: 30.07.2009).
8. *Договор об обычных вооруженных силах в Европе* [Электронный ресурс]. URL: <http://www/osce.org/node/14091> (дата обращения: 12.05.2012).
9. *Горбачев М.С.* Как это было: объединение Германии. М.: Вагриус, 1999. 41 с.
10. *Senghaas D.* Deutschlands verflochtene Interessen [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 1995. №8. URL: http://www.internationalepolitik.de/it/archive/jahrgang_1995/august_1995/documentation.htm (дата обращения: 30.07.2009).
11. *Interview des deutschen Außenministers, Klaus Kinkel, zur Forderung nach einer Verschiebung der EU-Osterweiterung mit dem Kölner Stadt-Anzeiger vom 12. Mai 1998* // Auswärtiges Amt. Mitteilung für die Presse. № 1065. 1998. 11 Mai.
12. *Kinkel K.* Partner im Wandel. Deutsche Außenpolitik und die GUS-Staaten [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 1996. №10. URL: http://www.internationalepolitik.de/it/archive/jahrgang_1996/oktober_1996/documentation.htm (дата обращения: 30.07.2009).
13. *Декларация Лиссабонской встречи.* Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. 3 декабря 1996 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_4746.html (дата обращения: 12.05.2012).
14. *Горностаев Д.* Стамбульский саммит на грани провала // Независимая газета. 1999. 19 нояб.
15. *Варламов К.* Саммит ОБСЕ – поражение Москвы? // Независимая газета. 1999. 23 нояб.
16. *Хартия европейской безопасности* // Независимая газета. 1999. 23 нояб.
17. *Rede von Bundeskanzler Gerhard Schröder bei der 37. Kommandeurtagung der Bundeswehr am 29. November 1999 in Hamburg* [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 2000. №1. URL: http://www.internationalepolitik.de/ip/archiv/jahrgang_2000/januar_2000/documentation.htm (дата обращения: 29.07.2009).
18. *Соглашение об адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе* [Электронный ресурс]. URL: <http://www/osce.org/node/14112> (дата обращения: 12.05.2012).
19. *О перспективах германского бундесвера* см.: Presskonferenz des Bundesministers der Verteidigung, Rudolf Scharping, zum Bericht der Weizsäcker-Kommission am 24. Mai 2000 in Berlin [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 2000. №6. URL: http://www.internationalepolitik.de/ip/archiv/jahrgang_2000/juni_2000/documentation.htm (дата обращения: 30.07.2009).